

20. Коллективизация текстильной промышленности

На начало Гражданской войны крупнейшей отраслью промышленности в лоялистской Испании было производство тканей и одежды. Оно в значительной степени было сконцентрировано в Каталонии, где за несколько лет до войны в этой отрасли было занято 56,5% промышленных рабочих¹, однако текстильные фабрики также имелись в Леванте и были рассеяны по другим частям Республики. Во время войны это была одна из наиболее коллективизированных частей экономики республиканской Испании.

Общие особенности довоенной текстильной промышленности

Текстильное производство средиземноморской Испании и особенно Каталонии имеет долгую историю, начавшуюся в Средние века. Однако современная промышленность зародилась в первые десятилетия XIX века. Эдуардо Комин Коломер отмечает, что уже в декабре 1836 г. в Барселоне была создана первая организация текстильщиков – Взаимная ассоциация рабочих хлопчатобумажной промышленности (Asociación Mutua de Obreros de la Industria Algodonera), и это событие он рассматривает как начало современного рабочего движения в Испании².

Промышленность, развивавшаяся в течение столетия, имела определённые особенности. Она росла под опекой правительства, ограждённая от иностранной конкуренции высокой стеной ввозных пошлин. Первые каталонские автономисты из Каталонской лиги, возникшей в начале XX века, сосредоточили свои усилия на защите текстильной промышленности региона. Как отмечает Вальтер Бернеккер, протекционистские тарифы, принятые под давлением каталонских производителей текстиля, «почти полностью зарезервировали испанский рынок для каталонской промышленности»³.

Однако, хотя испанская текстильная промышленность была относительно развитой, она далеко не соответствовала современным стандартам. Согласно Бернеккеру: «Из-за устаревшего оборудования и неэффективной организации менеджмента текстильная промышленность до Гражданской войны давала в основном продукцию невысокого качества; из-за использования самых разнообразных исходных материалов и чрезвычайной

распылённости производства разновидности выпускаемых ею товаров множились до бесконечности. Неблагоприятная структура фирм в текстильной отрасли, приводившая к росту издержек производства, износ машин и технологическая отсталость делали испанский текстиль неконкурентоспособным на международном уровне...»⁴

Производство хлопковых тканей преобладало. Незадолго до Гражданской войны, согласно источникам, в Каталонии было 266 хлопкопрядильных предприятий и 632 хлопкоткацких, на которых, вместе взятых, было занято 115 000 рабочих. Производство шерстяных тканей включало в себя 133 прядильных и 175 ткацких фабрик, с общим числом 26 850 рабочих. Значительно меньшее число фабрик производило льняные, пеньковые, джутовые и шёлковые изделия. В общей сложности в каталонской текстильной промышленности было занято не менее 174 850 рабочих⁵.

Текстильная промышленность серьёзно пострадала от Великой депрессии. К концу 1935 г., как сообщалось, была закрыта четверть прядильных фабрик и треть ткацких⁶.

Ещё до Гражданской войны текстильщики имели сильную профсоюзную организацию, а через несколько месяцев после начала конфликта текстильный союз Барселоны НКТ указывал в своём отчёте, что в нём состоит 40 000 членов. В том же отчёте говорилось, что 70% текстильных рабочих Каталонии являются членами НКТ и 30% – членами ВСТ⁷.

Удивительно не то, что НКТ преобладала, а то, что ВСТ привлёк в свои ряды почти треть текстильных рабочих. Возможно, это объясняется тем фактом, что, согласно декрету каталонского правительства, принятому сразу после начала войны, все рабочие должны были входить либо в НКТ, либо в ВСТ; после издания этого декрета ранее неорганизованные служащие, как правило, вступали в ВСТ. В конкретном случае текстильной промышленности, этот же декрет заставлял профсоюзы, контролируемые Рабочей партией марксистского единства, присоединяться к ВСТ, и, по крайней мере на начало 1937 г., в союзах текстильных рабочих ВСТ сохранялось сильное влияние ПОУМ.

Общий характер коллективизации в текстильной промышленности

Вскоре после начала войны текстильная промышленность в Каталонии и по всей стране почти полностью оказалась в руках рабочих. Главной причиной этого было исчезновение подавляющего большинства собственников. Согласно данным Текстильного синдиката Барселоны НКТ, около 40% из них были «устранены с общественной сцены», а 50% бежали за границу или скрывались. Только 10% собственников «остались на своих фабриках в качестве обычных сотрудников»⁸.

Многие текстильные фирмы принадлежали иностранным компаниям. Их рабочие колебались по поводу того, следует ли объявлять эти предприятия «конфискованными» и «коллективизированными». Однако даже в таких случаях, как мы увидим в одном из нижеприведённых примеров, рабочие иногда брали предприятия в свои руки.

Одним из главных исключений в процессе всеобщей коллективизации являлись три текстильных фабрики в приграничном каталонском городе Пучсерда в Пиренеях. Их рабочие решили установить на них свой контроль, но оставили фабрики в собственности прежних владельцев. Бернеккер объясняет это тем фактом, что местные рабочие входили в ВСТ и находились под контролем ОСПК, которая крайне враждебно относилась к коллективизации⁹.

Основные проблемы текстильной промышленности

Текстильная отрасль, независимо от возможных последствий её перехода в собственность рабочих, особенно сильно страдала от проблем, связанных с военной обстановкой. Как мы видели, текстильные фабрики Каталонии и Леванта выпускали продукцию для всей Испании. Но в самом начале войны они потеряли почти половину своего рынка, которая оказалась во власти Франко. Эта ситуация ухудшалась по мере того, как силы мятежников захватывали новые территории.

Результатом всего этого стало то, что значительная часть продукции текстильных фирм отправлялась на хранение, а не на продажу. Один из первых примеров такого рода был отмечен на крупной фабрике «Эспанья Индустриаль» в Барселоне, где, согласно отчёту административного комитета общему собранию от 25 октября 1936 г., с 8 августа по 24 октября количество материи на складах увеличилось с 48 213 до 50 321 рулона¹⁰.

В некоторых случаях вопросы сбыта отчасти решались за счёт заказов министерства обороны. Однако в гражданском секторе сокращение рынка оставалось серьёзной проблемой до конца войны.

Совершенно иную проблему представлял собой недостаток сырья. Большая часть хлопка, используемого испанской текстильной промышленностью, традиционно поставлялась из Соединённых Штатов, и ещё некоторое количество – из Индии и Египта¹¹. Но с началом войны импорт хлопка начал становиться всё более трудным, в первую очередь из-за усиливающейся блокады, осуществляемой мятежным флотом при поддержке итальянских и германских кораблей.

Помимо этого, особенно на начальных этапах войны, ситуация осложнялась борьбой между центральным правительством и правительством Каталонии за контроль над иностранной валютой. В частности, министр финансов Хуан Негрин упорно отказывался предоставить иностранную валюту для Каталонии, и хотя, пока министром промышленности оставался сэнэтист Хуан Пейро, ему удавалось выбивать кредиты для каталонской текстильной промышленности, недостаток финансирования всё больше осложнял работу рабочих коллективов в этой отрасли, особенно в той её части, которая работала на гражданский рынок. Эта проблема ещё больше обострялась, по мере военных поражений Республики, падением курса республиканской песеты на международных фондовых биржах¹².

Также возникали значительные трудности с получением других видов сырья. Хотя шерсть, используемая текстильной промышленностью, была отечественной, значительная часть регионов Андалусии, Эстремадуры и Кастилии, где овцеводство было наиболее развито, вскоре попала в руки Франко¹³. Привычные источники угля также оказались отрезаны из-за войны. Таким образом, одной из главных задач рабочих коллективов в текстильной промышленности стало изыскание новых видов и источников сырья и других производственных материалов. В ряде случаев, как мы увидим на примере текстильных коллективов Бадалоны, рабочим удалось добиться определённого успеха.

Наконец, нужно отметить, что война создавала и непосредственные угрозы. Уже с 1937 г. Барселона и её окрестности стали подвергаться массированным бомбардировкам. Иногда бомбы падали на текстильные фабрики, иногда – нарушали подачу электричества на них.

Сокращение рынков сбыта и перекрытие каналов снабжения, наложившись друг на друга, создали в коллективизированной текстильной промышленности несколько неестественную для военного времени ситуацию, когда происходило снижение производства и значительное увеличение безработицы. Бернеккер приводит цифры, показывающие, что производство шерстяных тканей к концу 1936 г. составляло 65,3% от уровня января 1936 г., к июлю 1937 г. – 47,92% и к концу 1937 г. – 53,71%. Общая продукция текстильной промышленности Каталонии за 1937 г. снизилась больше чем наполовину¹⁴.

По мере того как падало производство, всё более значительное число текстильных рабочих становились безработными. Но во многих случаях они продолжали приходить на свои фабрики и получать зарплату. Конечно, это существенно увеличивало производственные затраты.

Однако в некотором смысле продолжающееся сокращение территории, находящейся под контролем Республики, как ни странно, смягчало последствия спада в текстильной промышленности, насколько это касалось экономики в целом и потребительских нужд. Этот эффект отмечал лидер коллектива фабрики «Эспанья Индустриаль» в Барселоне, когда он говорил Виктору Альбе: «...На самом деле, на рынке никогда не ощущалось нехватки текстильной продукции. Возможно, уже не было прежнего разнообразия или изобилия, но если кто-то хотел сшить костюм или платье, он всегда мог найти ткань для него»¹⁵.

Проблемы коллективизации в текстильной промышленности

Наряду с трудностями, которые вызывала в текстильной промышленности военная ситуация, существовали проблемы, связанные с коллективизацией отрасли. Безусловно, главной из них был недостаток координации в региональном или даже городском масштабе. Хотя барселонский Текстильный синдикат создал комитет, которому полагалось распределять сырьё, размещать заказы на товары исходя из производственной мощности предприятий, трудоустраивать рабочих и координировать финансирование, чтобы прибыль успешных предприятий можно было использовать для помощи менее обеспеченным¹⁶, есть

много указаний на то, что этот орган был очень далёк от выполнения поставленных перед ним задач.

Отмечалась тенденция, когда у рабочих коллективизированных предприятий развивался своего рода «фабричный патриотизм». Коллективы, особенно те, что были более удачливыми и/или богатыми, не только боролись с противниками коллективизации (что было ожидаемо), но и нередко сопротивлялись попыткам своих коллег, работавших в других коллективах, получить помощь в виде сырья, финансов и прочего, тем самым показывая, что им не хватает той солидарности, которой обычно гордились анархисты¹⁷.

Хуан Андраде, второй по важности лидер ПОУМ во время Гражданской войны, который в целом сочувствовал коллективам, описывал эту ситуацию:

«Многие коллективы фактически превратились в частные предприятия рабочих. Так как они не были вовлечены в общий экономический процесс, это был естественный исход. Они функционируют сами по себе и на свой собственный риск, и в большинстве случаев лишены связи с другими коллективизированными фабриками или мастерскими той же отрасли. Именно по этой причине среди самих рабочих возникли различные категории, которые существуют исключительно на резервные фонды, которые принадлежали владельцам коллективизированных фирмы, или благодаря большей или меньшей востребованности их изделий во время войны. В качестве примера мы можем отметить текстильную промышленность.

С началом революции рабочие приступили к коллективизации фабрик. Внутренняя экономическая ситуация на них весьма различалась, как характерно при капитализме. Владельцы некоторых из них имели внушительные счета в банках, над которыми рабочие естественным образом установили свой контроль. Некоторые, когда революция началась, имели больше сырья, чем другие, и больше товаров на своих складах. То же самое можно сказать и в отношении техники, поскольку на одних фабриках она сильно устарела, а на других была вполне современной и высокопроизводительной. Но все они одинаково были коллективизированы соответствующими рабочими организациями...

По этим обстоятельствам, в текстильной промышленности существуют, в самый разгар революции, большие различия в уровне жизни между различными группами рабочих, в зависимости от экономического положения их бывших хозяев... Постоянным явлением в этой системе коллективизации будут раздражающее неравенство и новые категории рабочих. Фактически создаётся новая модель частной собственности, которая принадлежит социальным группам, а не отдельным лицам»¹⁸.

НКТ и ВСТ, начиная с февраля 1937 г., прилагали большие усилия, чтобы наладить координацию отрасли в Каталонии. Однако, как мы увидим далее, эти попытки оказались безрезультатными.

В ряде случаев была достигнута координация текстильной промышленности на городском уровне. Как представляется, особенно успешной она была в Бадалоне и Алькое.

С проблемой координации была связана проблема финансов. Если бы существовала действительная координация работы текстильных коллективов, можно было бы общими усилиями улучшить положение финансово слабых предприятий данной отрасли. Однако, в её отсутствие, довольно многие коллективы, испытывавшие нехватку денежных средств, были вынуждены обращаться за помощью к правительству Каталонии. Хенералидад, особенно на первых порах, довольно охотно предоставлял подобную помощь. Однако, хотя это и приносило краткосрочную выгоду, это в длительной перспективе создавало трудности для коллективов. Это давало Хенералидаду, особенно после того, как он подпал под контроль сталинистской ОСПК, возможность использовать финансовые рычаги для подрыва коллективов.

Во многих отдельно взятых текстильных коллективах имелись также внутренние проблемы. Одной из них была оппозиция квалифицированного технического и управленческого персонала, продолжавшего свою работу, той «уравниловке», за которую выступали общие собрания.

Конечно же, были случаи, когда подобного рода разногласия приобретали политическую окраску. Сталинисты, которые стремились сделать своей опорой средний класс в Каталонии и во всей Испании, не замедлили встать на защиту тех, кто был недоволен эгалитаризмом анархических рабочих.

Также стоял вопрос дисциплины труда. Находились рабочие, которые считали, что рабочий контроль даёт им право расслабиться, если не хуже. Однако источники не говорят о том, что это было большой проблемой в текстильных коллективах, особенно на начальных этапах войны, когда общая мораль рабочих была высока.

Примеры текстильных коллективов в Барселоне

Не существует данных, на основании которых можно было бы проанализировать работу текстильных коллективов по каждому предприятию. И даже если бы они существовали, подобное исследование не соответствовало бы замыслу книги. Однако у нас имеется более или менее подробная информация по ограниченному числу фабрик, конфискованных рабочими. Вероятно, их обзор логичнее всего начать с Барселоны, крупнейшего центра текстильной промышленности. Три фабрики, которые мы рассмотрим, входили в число крупнейших в стране, остальные были более скромными по своему размеру и значению.

Компания «Илатурас Фабра и Коутс», занимавшаяся производством хлопчатобумажной пряжи, имела четыре фабрики в Каталонии: две в Барселоне, одну в Бадалоне и ещё одну в Торельó. Крупнейшая из них, находившаяся в баррио Сан-Андрес-де-Паломар в Барселоне, насчитывала 2 000 рабочих обоих полов. Компания была основана в 1905 г. каталонским семейством Фабра, главными фигурами которого были маркиз Алелья и маркиз Масноу, но позднее объединилась с филиалом британской фирмы «Коутс», и к началу Гражданской войны 70% акций принадлежало британцам. Её фабрики имели современное оборудование и

технологии и придерживались относительно прогрессивной социальной политики, предоставив своим рабочим ясли, определённое медицинское обслуживание и пенсии для тех, кто проработал 45 лет.

Поскольку это была по большей части британская фирма, рабочие не стали сразу её коллективизировать. По предложению руководства, они избрали контрольный комитет и стали сотрудничать с управленцами. Однако через несколько недель большинство служащих-британцев вернулись на свою родину.

Первые три месяца работа контрольного комитета в основном сводилась к рассмотрению жалоб. Тем не менее ему удалось провести одно значительное изменение в условиях труда – отменить сдельную работу, чего давно добивалась НКТ. Обсуждая этот вопрос с руководством, контрольный комитет признал, что отмена сдельщины, вероятно, приведёт к снижению объёма продукции, и они договорились, что приемлемым будет 25-процентное снижение. Но к концу первой недели продукция упала на 40%. Тогда контрольный комитет созвал общее собрание рабочих четырёх фабрик и объяснил им ситуацию, настаивая, что ради революции необходимо увеличить производство. В результате, как много лет спустя писал Андрес Капдевила, в то время игравший главную роль в контрольном комитете, «за две недели нам удалось пробудить у наших товарищей по работе чувство ответственности, без какого-либо принуждения или применения санкций, и стабилизировать производство на нормальном уровне, который был нами установлен».

По окончании трёх месяцев фирма столкнулась с финансовым кризисом. Продажи, которые перед войной составляли в среднем 4 миллиона песет в месяц, упали до 2,5 миллионов из-за потери рынков на территориях, захваченных Франко. Как следствие, руководство предложило сократить рабочее время до трёх дней в неделю, с соответствующим понижением зарплаты, от чего контрольный комитет «категорически отказался».

По просьбе контрольного комитета руководство филиала устроило в Марселе встречу представителей британской фирмы с делегацией рабочих. На ней контрольный комитет представил четыре возможных решения:

“ «Первое: рабочие четырёх фабрик... будут работать три дня и получать плату за целую неделю. Второе: они работают полную неделю, и излишек продукции будет складироваться. Третье: они будут работать всю неделю, и излишек будет отправляться в Британию. Четвёртое: компания примет любое из трёх предыдущих предложений, чтобы обеспечить рабочим полную недельную плату, пока в Испании сохраняются ненормальные условия».

Представители фирмы «Коутс» отклонили все предложения рабочих. Много лет спустя Капдевила спросил одного из директоров «Коутс», почему они заняли такую позицию, которая стала непосредственной причиной коллективизации фабрик, и тот ответил:

«Руководство компании “Коутс” признавало обоснованность предложений, представленных на его рассмотрение контрольным комитетом. Но, в свете революционных событий в Испании, оно считало, что это представляет собой не просто спор между рабочими и компанией, а вопрос жизни и смерти мирового капитализма. Компания, которая, таким образом, присоединилась к соглашению, заключённому крупнейшими монополиями всех стран, чтобы вызвать поражение Испанской революции, была верной политике бойкота “красной зоны” и безусловной поддержки Франко, олицетворявшего собой непрерывность капиталистического строя».

Когда делегация рабочих вернулась в Барселону, контрольному комитету пришлось выбирать, уступить руководству или провести коллективизацию «Фабра и Коутс». Он выбрал последнее и созвал общее собрание рабочих четырёх фабрик, на котором решение о коллективизации предприятия было одобрено практически единогласно.

Андрес Капдевила подытожил результаты коллективизации следующим образом:

“ «Контрольный комитет, обладая достаточной свободой действий, прекратил выплату дивидендов, покончил с ненужной работой и, используя эффективные методы, быстро восстановил финансовое положение предприятия, обеспечив тем самым недельную зарплату рабочих. Была организована библиотека с выдачей на дом, издавалось “Ежемесячное обозрение”, были организованы курсы по грамматике, арифметике, геометрии; одним словом, социальная и культурная организация, которую мы давали фабрикам предприятия, приносила превосходные результаты, и каждый день мы становились немного ближе к осуществлению наших заветных идеалов. Следует отметить, что, несмотря на нехватку сырья и электричества в последние месяцы нашего сопротивления фашизму, зарплата рабочих всегда была гарантирована»¹⁹.

Другим крупным текстильным предприятием Барселоны и Каталонии была «Эспанья Индустриаль». Это была прядильная и ткацкая фабрика с 2 000 рабочих, 1 500 из которых были женщинами²⁰.

После окончания боёв в Барселоне «управляющие и значительная часть административного персонала не подавали признаков жизни». Сэнэтисты, работавшие на фабрике, созвали общее собрание рабочих, на котором присутствовали практически все. На этом собрании было решено коллективизировать фабрику и избрать комитет из 12 человек, включая рабочих, техников и административный персонал, для управления ею²¹.

Комитет предприятия управлял фабрикой «Эспанья Индустриаль» до захвата Каталонии войсками Франко в начале 1939 г. После принятия каталонским правительством декрета о

коллективизации на фабрику также был назначен делегат-инспектор, представлявший каталонский Совет экономики, который в данном случае оказался членом НКТ. Хотя по декрету он имел право получать самую высокую для данной фирмы зарплату, делегат-инспектор отказался от него и получал столько же, сколько и до войны. Так же поступили и члены комитета предприятия. Кроме того, лишь четверо из двенадцати членов комитета предприятия проводили в нём всё своё рабочее время, остальные продолжали выполнять свою обычную работу и только после её окончания занимались делами комитета²².

В каждом подразделении предприятия был свой заведующий, который избирался рабочими данного подразделения²³. Кроме того, в трёх случаях, когда необходимо было заменить одного из членов комитета предприятия, выборы проводились на общем собрании всех работников предприятия²⁴.

Бывший член комитета предприятия, у которого спустя 40 лет брал интервью Виктор Альба, так отвечал на вопрос о практике избрания руководителей и заведующих:

“ «Товарищи сознавали свою ответственность за жизнь, которую они делили с теми, кто их избрал, сознавали, что должны отвечать за свои действия перед теми, кто их избрал. Если бы глава подразделения назначался комитетом предприятия, то у него не было бы достаточного авторитета. Но он избирался своими товарищами, и этим фактом избрания они обязывались уважать его решения и поддерживать его»²⁵.

Этот человек утверждал, что выборы управленческих кадров самими рабочими не вызывали каких-либо проблем в области дисциплины труда:

“ «Избранные люди могли поддерживать дисциплину, организовывать работу и т.д. лучше, чем когда они назначались сверху. Людей, особенно рабочих, могут заставить действовать либо принуждение – даже если оно сводится лишь к необходимости зарабатывать на жизнь, – либо стимулы, которые можно назвать духовными. Мы считаем, что эти последние стимулы побуждают человека работать и соблюдать дисциплину больше, чем страх, принуждение. Факты доказали нашу правоту»²⁶.

Хотя и в ограниченной мере, на «Эспанья Индустриаль» применялись эгалитарные принципы анархистов. Это видно уже из того, что выборные руководители продолжали получать ту зарплату, которую они получали, работая в цеху или офисе. Это также отразилось в решениях общего собрания рабочих, которое отменило рождественские премии, прежде выдававшиеся директорам и техникам, и в стремлении снизить наиболее высокие оклады управленческого и технического персонала. Но, как отмечал бывший член комитета предприятия:

«Очень высокие зарплаты, выдававшиеся некоторым, были уменьшены, хотя было сильное сопротивление и, чтобы успокоить их, поскольку мы нуждались в них, уменьшение составило только 20%»²⁷.

Любопытно, однако, что анархический эгалитаризм не распространялся на различия в заработной плате между рабочими и работницами. Интервьюируемый Виктор Альбой говорил, что «неравенство в зарплате между мужчинами и женщинами сохранялось. Некоторые из женщин просили уравнивать зарплату, но ничего не смогли сделать, несмотря на то, что на собрании у них было большинство». Он приводит несколько неуклюжее оправдание, что «это зависело от Совета экономики и от НКТ. Это должна была быть общая мера, а не решение отдельного предприятия»²⁸.

Техники и бывшие начальники, очевидно, создавали некоторые трудности для рабочих, избранных на руководящие посты. Интервьюируемый Виктор Альбой отмечал:

“ «Хотя управляющий бежал, все специалисты остались, включая начальников. У нас не было необходимости заменять кого-либо из них, так как комитет предприятия занял место управляющего. Единственное, и это очень важно, техники были лишены права отдавать распоряжения персоналу и сохранили только свои технические функции»²⁹. Этот член комитета предприятия признавал, что техники и начальники «не были удовлетворены. Я думаю, что больше всего их возмущала утрата их привилегий, не только экономических... но и управленческих. Им нравилось командовать, и они не простили нас за то, что мы им этого не позволяли. Но они понимали, что ничего не могут сделать, что они не могут изменить положение вещей, и они приспособились».

Тем не менее они с помощью разных мелочей выражали своё недовольство. «Например, комитет вызывал одного из них, и он опаздывал, или его приходилось вызывать несколько раз. Или он терял бумаги и находил их тогда, когда в них больше не было надобности. Всё это ребячество не доходило до саботажа, но показывало нам их раздражение»³⁰.

Коллектив «Эспанья Индустриаль» сталкивался и с общими проблемами, вызванными войной. Он испытывал нехватку хлопка, красителей (ранее получавшихся из Германии), астурийского угля (что порой заставляло использовать вместо него дрова)³¹. Нехватка была особенно острой в производстве гражданской продукции. При выполнении заказов министерства обороны оно обычно предоставляло необходимое сырьё³².

Однако, как говорил Виктору Альбе бывший член комитета предприятия: «В итоге, какое-то сырьё удавалось достать из-за границы, какое-то заменили отечественным, было налажено изготовление красителей, использовался уголь с шахт республиканской зоны. Можно сказать, что за три года войны ни один рабочий не остался без зарплаты»³³.

И всё же бывали времена, когда из-за нехватки сырья фактически приходилось закрывать фабрику. В некоторых случаях текстильная организация НКТ договаривалась с министерством обороны об отправке рабочих, физически пригодных к этому, на строительство укреплений и бомбоубежищ в близлежащих районах³⁴.

Условия труда на фабрике были улучшены коллективом. Рабочие сами построили новые душевые, туалеты, гардеробные. Рабочим старше 65 лет позволили выйти на пенсию³⁵.

Однако уже цитировавшийся член комитета предприятия признавал:

“ «Нехватка сырья привела к тому, что прибыли не было, и уровень жизни рабочих не слишком улучшился в материальном смысле, хотя улучшился в моральном, потому что к ним было хорошее отношение, их предложения учитывались при организации работы и предприятие предоставляло им культурные материалы»³⁶.

Третьим крупным текстильным предприятием Барселоны была ткацкая «Фабрика де Техидос Касакуберта». «Рабочая солидарность», ежедневная барселонская газета НКТ, сообщала о её посещении мексиканским послом в начале 1938 г. Предприятие состояло из пяти отдельных производственных единиц с общим числом 2 000 рабочих, самая большая из них имела 600 рабочих. Во время визита эта единица работала в три смены, и послу сообщили, что она производит значительно больше продукции, чем перед войной.

Коллектив «Касакуберта» создал свою школу с двумя учителями. При школе действовала абонементная библиотека с 700 книгами, в которой было записано 300 рабочих.

Мексиканский посол посетил также «Тальерес Конфедералес де Састерия» – предприятие, созданное НКТ после начала войны и производившее одежду, главным образом для вооружённых сил. На нём было 950 рабочих, которые работали 44 часа в неделю. В начале 1938 г. оно выпускало около 2 000 единиц продукции в день, хотя его мощность была рассчитана на 4 000³⁷.

Наконец, мы можем отметить опыт коллективизации на гораздо меньшем предприятии в Барселоне. Это была небольшая фабрика, где трудилось около 50–60 рабочих. После 19 июля она была коллективизирована, хотя её собственник не бежал и не скрывался. Избранный рабочими административный совет попросил бывшего владельца стать председателем совета, и он оставался на этой должности до окончания войны в Каталонии. Почти 25 лет спустя сын этого собственника вспоминал опыт коллективизации как более или менее благоприятный. Насколько распространена была практика, когда рабочие предлагали бывшему собственнику возглавить управление коллективизированным предприятием – или, по крайней мере, участвовать в нём, – остаётся неизвестным. Однако следует предположить, что это был не единичный случай, особенно на мелких предприятиях, где отношения между владельцем и рабочими до войны были более или менее дружественными.

Коллективизация текстильной промышленности в Бадалоне

Подход к коллективизации текстильной отрасли в Бадалоне, городе к северу от Барселоны, был иным, чем в каталонской столице. Рабочие каждого отдельного взятого предприятия здесь действовали не по своему усмотрению, весь процесс проходил под руководством местного синдиката текстильщиков НКТ и более или менее контролировался им. В течение всей войны сохранялась сравнительно высокая степень координации коллективизированных текстильных фабрик города.

В Бадалоне к началу Гражданской войны было 37 текстильных предприятий, на которых было занято около 8 000 рабочих. Около половины из них входило в НКТ. Вскоре после начала войны был также сформирован профсоюз ВСТ. Однако в течение всего конфликта организация НКТ имела значительный перевес, её конкурент никогда не собирал больше 1 500–1 600 рабочих в своих рядах³⁸.

В профсоюз ВСТ вошли рабочие, которые ранее были членами НКТ, но состояли в одной из партий, сформировавших Объединённую социалистическую партию Каталонии через несколько дней после начала войны. Тем не менее в профсоюзе НКТ оставались, и иногда занимали руководящие должности, многие другие рабочие, которые принадлежали к каталонскому отделению Социалистической партии либо являлись членами Рабочей партии марксистского единства³⁹.

19 июля в Бадалоне практически не было борьбы. Сэнэтисты немедленно заняли муниципалитет и приняли участие в успешной атаке на казармы, располагавшиеся в нескольких милях от города. Полиция даже не появлялась на улицах. По причине всеобщей стачки были закрыты даже те заведения, которые обычно работали по воскресеньям⁴⁰.

22 июля профсоюз (Синдикат фабричных, текстильных, швейных и смежных производств Бадалоны и её окрестностей) издал обращение, подписанное его председателем Рамоном Мартинесом Гонсалесом и секретарём Хосе Костой Фонтом, призывая текстильщиков вернуться к работе. Также было объявлено, что вскоре состоится общее собрание профсоюза⁴¹.

Профсоюзные лидеры незамедлительно провели в здании городского совета собрание, на которые были приглашён весь технический и административный персонал отрасли. Большинство заинтересованных лиц присутствовали на этом собрании. Профсоюзные руководители сообщили им, что рабочие в настоящее время берут под свой контроль промышленность города. Техников и прежних администраторов призвали вернуться к исполнению своих обязанностей, заверив их, что к ним будут относиться по-товарищески и что они получают возможность продолжать работу, но под наблюдением представителей, избранных рабочими. Им дали 24 часа на размышления, и большинство из них вернулись к работе на следующий день⁴².

Через неделю после возобновления работы центральная хунта профсоюза выпустила другое обращение, призывая рабочих всех текстильных фабрик города избрать контрольные комитеты. Воспринимая захват фабрик лишь как временную меру на период войны, которая, как им казалось, продлится недолго, профсоюз вначале не планировал организовывать систему рабочего контроля на постоянной основе. Только в конце декабря, через два месяца после выхода каталонского декрета о коллективизации, профсоюз решил, что рабочие должны официально вступить во владение предприятиями. Контрольные комитеты, в соответствии с декретом, были переименованы в советы предприятий⁴³.

Было сделано три исключения из этой всеобщей коллективизации. Двумя из них были иностранные предприятия, которые остались «под контролем синдиката». Третьим была фирма, в которой большинство рабочих принадлежало к ВСТ и решило сохранить контрольный комитет, вместо того чтобы проводить коллективизацию⁴⁴.

Позднее текстильный профсоюз НКТ предложил полностью консолидировать текстильные фабрики в Бадалоне, фактически сделав их единым самоуправляемым предприятием. Однако они не довели этот план до завершения из-за сильной оппозиции городского профсоюза ВСТ, очевидно следовавшего указаниям сталинистов из ОСПК⁴⁵.

Обязанности контрольных комитетов были изложены в обращении, которое призывало к их выборам и было датировано 29 июля 1936 г. Предполагалось, что они будут следить за всеми операциями предприятия, за его материальными, коммерческими, финансовыми и налоговыми обязательствами и докладывать о них профсоюзу. Помимо этого, контрольные комитеты должны были еженедельно составлять для профсоюза отчёты о деятельности предприятия.

В обращении говорилось:

“ «Когда эти инструкции будут выполнены и первый этап завершится, контрольные комитеты будут осуществлять технические и административные функции, возложенные на них, и, совместно с администрацией, будут организовывать и направлять работу, решая, какие производственные процессы являются наиболее подходящими для коллектива в данное время».

Это же обращение предусматривало создание на каждом предприятии двух других выборных органов: фабричного комитета и делегата по взносам. Фабричные комитеты соответствовали профсоюзным комитетам по жалобам, существовавшим до 19 июля, и их задачи остались прежними, за исключением того, что они теперь должны были «поддерживать порядок на фабриках, следя за тем, чтобы все рабочие выполняли свои обязанности». Член фабричного комитета должен был присутствовать на заседаниях контрольного комитета. Делегаты по взносам должны были собирать профсоюзные взносы со всех рабочих предприятия⁴⁶.

Одними из первых мер профсоюза были отмена сдельной работы и введение 40-часовой рабочей недели. Вскоре, из-за нехватки сырья и других трудностей, произошло дальнейшее сокращение рабочей недели до 32 часов⁴⁷.

Профсоюз также учредил Совет по контролю и экономике промышленности текстиля и производных продуктов (Consejo de Control y Economía de la Industria Textil y Derivados). Обращение от 29 июля гласило, что этот совет, «в соответствии с общей линией, обозначенной синдикатом... будет наделён всеми полномочиями по организации контроля на текстильных предприятиях зоны, обеспечивая наилучшие возможные условия, и возьмёт на себя задачу координации различных контрольных органов всех фабрик и мастерских. Этот совет будет консультироваться с контрольным комитетом каждого предприятия и обеспечивать его всеми предметами, которые потребуются»⁴⁸.

Коста Фонт и Мартинес Гонсалес так описывали роль Совета по контролю и экономике: «Наряду с работой по выяснению условий, в которых мы работали, его основной задачей была ориентация... с целью осуществления более или менее конкретной программы, которая заключалась в поддержании промышленного производства, соответствующего нуждам войны, и удовлетворении, насколько было возможно, растущего спроса на текстильную продукцию»⁴⁹.

Одной из функций совета было перераспределение финансовых ресурсов от тех предприятий, что были относительно прибыльными, к тем, что находились в убытке. Прибыль предприятий перечислялась на счёт совета в местном банке и затем распределялась им так, как требовалось⁵⁰. Кроме того, совет «заключал контракты с Министерством национальной обороны и проводил политику коммерческого обмена и бартера... сплачивая профсоюзные ряды и укрепляя дух солидарности среди рабочих»⁵¹.

Сразу же после 19 июля НКТ распорядилась заморозить все банковские счета в Бадалоне, чтобы предотвратить утечку капитала. Они договорились с Синдикатом банковских работников о проведении этой меры⁵². Насколько это касалось текстильной отрасли, Совет по контролю и экономике был уполномочен следить за тем, чтобы контрольные комитеты предприятий снимали со своих счетов ровно столько, сколько было необходимо для деловых расходов⁵³.

Профсоюзный Совет по контролю и экономике занялся реорганизацией текстильной промышленности в Бадалоне. Она проводилась на основе обзоров, подготовленных по просьбе профсоюза контрольными комитетами всех предприятий. Коста Фонт и Мартинес Гонсалес пишут:

“ «В наших руках была полная статистика, в том числе по квалифицированным рабочим и техникам, машинам, потребностям в смазке, электроэнергии, сырью, красителям, экономическому положению от предприятия к предприятию, а также возможностям сбыта и спросу на продукты. Это была поразительная работа, которая вдохнула энтузиазм в

тех, кто её выполнял... которая расширила наши перспективы, дав возможность узнать, какие моря нам предстоит переплыть»⁵⁴.

Совет по контролю и экономике стремился сделать текстильную промышленность в Бадалоне более эффективной. Он закрыл некоторые небольшие и относительно малопродуктивные фабрики и перевёл их оборудование, технику и некоторых рабочих на более эффективные предприятия. Те рабочие закрытых фабрик, для которых не нашлось места, получили работу в других отраслях местной экономики. Коста Фонт и Мартинес Гонсалес утверждают:

“ «Безработица вскоре была полностью ликвидирована, по крайней мере в текстильной промышленности. Мы имели немного, но распределяли это немного по справедливости»⁵⁵.

У швейной промышленности, которая также входила в сферу деятельности текстильного синдиката, вскоре возникли специфические трудности. Она была организована на базе мелких кустарных мастерских и особенно страдала от нехватки сырья. Совет по контролю и экономике организовал этих кустарей в кооператив, приспособив для этой цели фабрику, закрытую до войны. Кооператив финансировался профсоюзом, и Совет по контролю и экономике обеспечивал его производственными материалами⁵⁶.

Совет также стремился преодолеть недостаток сырья по отрасли в целом. Одним из частных решений было заключение контрактов с министерством обороны на поставку обмундирования и других изделий, необходимых вооружённым силам; министерство при этом обязывалось предоставлять сырьё, необходимое для выполнения контрактов⁵⁷. Профсоюз, кроме того, провёл много экспериментов с заменителями сырья, и хотя для массового производства их было недостаточно, они отчасти заменяли импортные материалы, получение которых было затруднено.

Коста Фонт и Мартинес Гонсалес приводят следующий пример:

“ «Эксперимент заключался в переработке конопли из Аликанте, всегда имевшей высокое качество, в волокна, которые затем отбеливались и использовались для прядения и тканья на тех же самых машинах вместо хлопка. Из этих нитей создавались основа и уток; было соткано несколько метров, и полученная материя была подвергнута испытаниям на прочность и качество, которые показали, что она полностью подходит для обычной одежды, хотя и даёт усадку немного больше, чем сделанная из хлопка»⁵⁸.

По согласованию с текстильными союзами НКТ и ВСТ Бадалоны, совет 2 ноября 1936 г. ввёл новую систему ставок для текстильных рабочих города и его окрестностей, с равной

оплатой труда для мужчин и женщин. Этот же документ устанавливал, что работницы должны получать два месяца отпуска до и после рождения ребёнка, с оплатой в размере 75% их обычной зарплаты, и что, пока они кормят своего ребёнка грудью, им полагается два получасовых перерыва в день⁵⁹.

22 апреля 1937 г. текстильный профсоюз НКТ внёс дальнейшие изменения в систему ставок для местных рабочих данной отрасли. Хотя профсоюз ВСТ был недоволен этим, он не пытался препятствовать⁶⁰.

Совет по контролю и экономике также создал собственную систему социальной защиты для текстильщиков Бадалоны. Прежде всего, уволенным рабочим было разрешено вернуться на свои фабрики, где, если они желали, они могли получить работу в соответствии со своими способностями. В любом случае, они должны были получать ту же зарплату, что была у них до увольнения. Ранее они вообще не получали никаких выплат⁶¹.

Также было установлено, что семьи текстильных рабочих, которые вступили в милицию и ушли на фронт, должны получать ту же зарплату, какую получали бы милиционеры, если бы они продолжали работать на предприятии. В милицию после 19 июля записалось около 500 текстильщиков из Бадалоны во главе с председателем профсоюза Рамоном Мартинесом Гонсалесом, который впоследствии вернулся⁶². Совет обложил военным налогом богатые предприятия, находившиеся под его контролем; на полученные средства у местных розничных торговцев приобретали текстильные изделия, не находившие сбыта, и отправляли их членам профсоюза на фронт⁶³. Однако, когда с течением войны милиция стала превращаться в более или менее регулярную армию, текстильщики Бадалоны больше не могли поддерживать такого рода прямые контакты со своими товарищами на фронте⁶⁴.

Одним из достижений коллективизации, которым текстильные рабочие Бадалоны гордились больше всего, была система здравоохранения, созданная Советом по контролю и экономике профсоюза НКТ. Когда она была организована, профсоюзу ВСТ предложили участвовать в ней, и был создан объединённый комитет по здравоохранению НКТ-ВСТ⁶⁵.

В основе системы лежали договоры, заключённые между текстильным союзом НКТ Бадалоны и двумя секциями, врачей и фармацевтов, союза работников здравоохранения НКТ того же города. Под началом центральной хунты текстильного профсоюза была создана специальная комиссия, занимавшаяся вопросами здравоохранения. Каждый рабочий получал идентификационную карточку, которую он или она предъявляли вместе с профсоюзным билетом, чтобы получить необходимое медицинское обслуживание⁶⁶.

Ядром системы были две крупных поликлиники, расположенных в Бадалоне. Рабочие могли посещать любую из них по своему желанию⁶⁷.

Услуги здравоохранения были бесплатными как для рабочих, так и для их семей. Кроме того, рабочие, которые были прикованы к постели, получали, вдобавок к расходам на лечение, свою полную зарплату в течение первого месяца госпитализации, 75% в следующие три месяца и 50% в дальнейшем. Инструкции стремились не допустить того, чтобы рабочие злоупотребляли этой системой⁶⁸.

Система здравоохранения финансировалась из двух источников: во-первых, средства выделялись каждым текстильным предприятием, во-вторых, на неё перечислялась часть профсоюзных взносов⁶⁹.

Другие примеры коллективизации в текстильной отрасли

Во многих населённых пунктах, помимо Барселоны и Бадалоны, существовали коллективы текстильной и швейной промышленности, и наблюдалось большое разнообразие в методах их организации и работы.

Одним из крупнейших коллективов НКТ был коллектив швейников Валенсии. Он был создан сразу после начала войны, когда на одном предприятии были объединены оборудование и 3 тысячи или около того рабочих – 80% из них были женщинами – многочисленных мелких мастерских. Коллективу удалось приобрести электрические швейные машинки, которые тогда были новшеством в швейном производстве Валенсии, где по большей части использовались ножные машинки. Он производил одежду как для вооружённых сил, так и для гражданских лиц.

У Валенсийского швейного коллектива был свой кооператив, где размещались товары, полученные в результате обмена с другими промышленными коллективами и с сельскохозяйственными коллективами. Продукты из кооперативного магазина предоставляли всем членам коллектива в соответствии с их потребностями, то есть пропорционально количеству членов в их семье. Также выдавалась зарплата, и у рабочего был выбор, получать свой заработок деньгами, натурой или в комбинации. Профсоюз активно занимался организацией курсов и других мероприятий для членов коллектива⁷⁰.

Большая часть текстильных предприятий Леванта находилась в провинции Аликанте. Энрике Марко Надаль писал: «Во время существования милиции они чередовали производство товаров для гражданского населения и голубой ткани, из которой работницы швейного коллектива потом шили комбинезоны для милиционеров; после милитаризации милиции её сменила ткань цвета хаки, использовавшаяся для пошива формы, которую носили солдаты»⁷¹.

Довольно необычным был пример текстильной фабрики «Родер де Тер» возле Вика, в Каталонии. Она была закрыта из-за депрессии за год до начала войны. После 19 июля рабочие открыли её, расчистили и вернули в работу. Первые три месяца они решили работать бесплатно, а следующие восемь месяцев – за половинную плату. Как сообщалось, они достигли большого успеха, управляя предприятием. В 1936 г. дефицит предприятия составлял 10 млн песет, но к концу войны у коллектива были запас товаров общей стоимостью 14 млн песет и крупная сумма в банке⁷².

В Оспиталет-де-Льобрегате, близ Барселоны, инициативы текстильных рабочих по коллективизации страдали теми же недостатками, что и в каталонской столице. Здесь

каждая фабрика была коллективизирована в индивидуальном порядке, и городской текстильный синдикат НКТ лишь в малой степени контролировал их функционирование. Как следствие, среди различных фабричных коллективов разгорелась конкуренция, и сотрудничество между ними было незначительным⁷³.

Однако в Каталонии и Леванте были и другие города, где модель коллективизации в текстильной промышленности была ближе к бадалонской, чем к барселонской. Одним из таких городов была Игуалада в провинции Барселона. Текстильное производство было здесь основной отраслью, и все фабрики были конфискованы рабочими. В рядах НКТ состояло около двух третей рабочих и ещё треть – в ВСТ. Эти два профсоюза создали координационный комитет, включавший представителей всех фабрик города и возглавлявшийся сэнэтистом Хайме Касельясом. Этот орган наблюдал за работой всех предприятий, и, по словам Касельяса, в Игуаладе не возникало никакого «фабричного патриотизма». Сырьё распределялось через координационный комитет. Также была установлена общая для всех фабрик тарифная система ставок, и хотя в ней различия в оплате труда были до некоторой степени сглажены, квалифицированные рабочие и начальники продолжали получать более высокую зарплату, чем обычные рабочие. За работы одной категории на всех предприятиях выдавалась одинаковая зарплата.

Те собственники и управляющие, которые не были физически устранены или не исчезли иным образом, получили предложение участвовать в коллективизации текстильной промышленности Игуалады. Их часто вводили в состав комитетов предприятий, которые были созданы на каждой фабрике. На крупных предприятиях эти комитеты состояли из рабочих, избранных каждым подразделением; на меньших они избирались «в общей массе».

Согласно Хайме Касельясу, рабочие к концу войны оставили большинство фабрик Игуалады в лучшем состоянии, чем на момент конфискации. Очевидная забота рабочих по отношению к их фабрикам побуждала многих бывших управленцев сотрудничать с коллективами. Один из них настолько сроднился со своим коллективом, что был брошен в тюрьму сторонниками Франко, когда те захватили Каталонию⁷⁴.

Координация коллективизированных текстильных фабрик получила наибольшее развитие в Алькое, втором по размеру городе провинции Аликанте. Гастон Леваль называл Алькой «наиболее законченным примером “синдикализации производства” во всей Испании». Практически вся экономическая деятельность Алькоя, одного из первых центров анархического движения в Испании, перешла под контроль местного профсоюза НКТ. Шесть с половиной тысяч текстильных рабочих НКТ в Алькое вначале создали контрольные комитеты на каждой фабрике. Затем, 14 сентября 1936 г., текстильный союз официально принял во владение «41 текстильное предприятие, 10 прядильных, 4 красильных, 5 отделочных, 24 полотняных и 11 чесальных». После этого контрольная комиссия профсоюза стала «органом общей администрации текстильной промышленности в Алькое».

Каждая текстильная фабрика была разделена на пять секций, и рабочие каждой секции выбирали представителя в фабричный комитет. Члены фабричных комитетов, вместе с равным числом избранных общим собранием профсоюза, образовывали орган, отвечавший за управление текстильным производством Алькоя.

Гастон Леваль так отзывался об этой структуре коллективизированной текстильной отрасли в Алькое: «Мы, следовательно, имеем дело не с административной диктатурой, а скорее с функциональной демократией, при которой все рабочие-специалисты выполняют свои роли, установленные после общего рассмотрения вопросов на собрании...»⁷⁵

Наконец, хотя в большинстве случаев инициатива коллективизации текстильной промышленности исходила от профсоюзов НКТ, очевидно, было по крайней мере несколько примеров, когда коллективы организовывались и управлялись большинством рабочих, принадлежавшим к ВСТ. По-видимому, именно это произошло на двух фабриках в городе Вальс в каталонской провинции Таррагона. О них сообщал в декабре 1937 г. «Информационный бюллетень» НКТ.

Одной из них была небольшая швейная фабрика «Эмпреса Испано Колективисада». В то время она имела 2 рабочих и 30 работниц, которые трудились на самой фабрике, и ещё 30, которые работали на дому. Рабочие коллективизировали это предприятие в июле 1936 г., когда его владелец бежал, бросив обанкротившуюся фирму. Текстильные профсоюзы НКТ одолжили коллективу деньги, необходимые для возобновления работы, и впоследствии предприятие смогло заработать достаточно средств, чтобы выплатить зарплату рабочим и приобрести сырьё. Оно управлялось комитетом предприятия из 12 рабочих, избранных общим собранием, и постоянным комитетом из трёх человек⁷⁶.

Вторым подобным примером являлась фабрика «Иладос и Техидос Эстеве, Колективисада». Это было небольшое прядильно-ткацкое предприятие с тремя корпусами, на котором работало около 100 человек, почти все женщины. Оно было коллективизировано рабочими в начале января 1937 г. и зарегистрировано, согласно каталонскому декрету о коллективизации, в июле того же года. Эта фабрика также находилась в финансовой яме, когда рабочие конфисковали её, но к концу года им, во всяком случае, удалось добиться безубыточности, хотя из-за сложной экономической ситуации работа продолжалась лишь три дня в неделю. Коллектив отменил сдельную работу и установил зарплату 36 песет в неделю для всех членов. В сообщении подчёркивалось, что на предприятии «все решения принимаются большинством голосов на собраниях»⁷⁷.

Попытки координации коллективизированной текстильной промышленности

Итак, существовали по крайней мере две альтернативных модели коллективизации текстильной отрасли. Одна из них преобладала в Барселоне, где каждая коллективизированная фабрика действовала самостоятельно, с относительно небольшой степенью координации отрасли в целом; другая была характерна для Бадалоны и Алькоя, где местный текстильный союз брал на себя общую координацию фабрик, коллективизированных их рабочими.

Коста Фонт и Мартинес Гонсалес так описывали первую ситуацию: «В Барселоне коллективизация проводилась по предприятиям. Советы на них были независимыми один от другого. Здесь не существовало профсоюзного экономического органа, объединяющего предприятия для совместной работы. Одни функционировали хорошо, другие – с огромными трудностями, и большинство из них должны были отдавать в залог правительству Хенералидада Каталонии своё имущество, чтобы получить средства, необходимые для выплаты заработной платы. Профсоюз ограничивался вмешательством в проблемы, возникавшие между рабочими отдельно взятого предприятия или между разными советами».

Авторы отмечают, что существовала комиссия по связям, которая, как предполагалось, помогала координировать текстильные коллективы Барселоны. Она пыталась получить сырьё для предприятий, испытывавших в нём недостаток. Однако, как заключают Коста Фонт и Мартинес Гонсалес: «Наш Текстильный синдикат Барселоны был морально готов к поддержанию солидарности в классовой борьбе, но не в другой, экономической, вызванной переходом средств производства в наши руки»⁷⁸.

Через несколько месяцев после начала войны комиссия по связям Текстильного синдиката Барселоны попыталась упорядочить сложившуюся ситуацию. Она приняла детальный план создания координационных комитетов на общегородском и даже общекаталонском уровне, а также определила организацию и задачи отделов, на которые должны были быть разделены эти комитеты⁷⁹.

Однако эта инициатива закончилась провалом. Как отмечают Коста Фонт и Мартинес Гонсалес: «Эта комиссия набросала проект, по которому следовало собрать общую статистику средств производства и попытаться их контролировать; она издала анкеты, но ни одна из них не была заполнена; каждое предприятие работало само по себе и само для себя»⁸⁰.

В феврале 1937 г. другая, ещё более амбициозная попытка наладить координацию каталонской текстильной промышленности была предпринята на конференции, проводившейся в штаб-квартире текстильных профсоюзов НКТ Барселоны. На этой конференции присутствовали каталонские текстильщики как из НКТ, так и из ВСТ. В то время ПОУМ всё ещё пользовалась значительным влиянием в текстильных профсоюзах ВСТ, и несколько ключевых участников совещания были членами этой партии.

Конференция призвала к полной реорганизации текстильной промышленности в Каталонском регионе. Предлагалось незамедлительно создать Генеральный совет текстильной промышленности, ответственный за её реорганизацию и координацию. Этот совет должен был сосредоточить производство на сравнительно небольшом числе крупных предприятий, где можно было бы более эффективно использовать технику и персонал. Следовало стандартизировать продукцию, одновременно определив, какие её виды востребованы потребителями. Следовало создать исследовательские лаборатории, чтобы найти новые виды сырья, и установить отношения с крестьянскими коллективами и другими сельскохозяйственными производителями, чтобы стимулировать отечественное разведение технических культур. Наконец, следовало централизовать распределение текстильной

продукции, чтобы повысить его эффективность и устранить посредников-эксплуататоров⁸¹.

Однако практические итоги февральской конференции 1937 г. сводились к нулю. Как объяснялось в отчёте о конференции, предоставленном Виктору Альбе: «Все предложенные планы, которые мы достаточно подробно изложили, остались на бумаге. Правда заключается в том, что не было предпринято ни одной попытки осуществить их на практике... Глубокие политические разногласия, которые существовали в те дни среди сил, сопротивлявшихся военному мятежу, не могли иметь никакого иного результата, кроме выхолащивания всех инициатив»⁸².

Заключение

Во время Гражданской войны текстильная промышленность была одним из наиболее коллективизированных секторов производства в республиканской Испании. Она также была одним из сегментов экономики, которые больше всего пострадали от войны – из-за потери рынков, а также растущих трудностей получения сырья.

Примеры рабочего контроля в текстильной отрасли, как с социальной, так и с экономической точки зрения, настолько разнообразны, что на основании них сложно делать общие выводы. Текстильные коллективы продемонстрировали слабые и сильные стороны анархического эксперимента с рабочим контролем в различных сегментах национальной экономики. С одной стороны, в тех районах, где местный профсоюз не играл координирующей роли, часто развивался своего рода «фабричный патриотизм» или «рабочий капитализм», несовместимый с классовой солидарностью, в которую верили анархисты. С другой стороны, таких местах, как Бадалона и Алькой, где местные профсоюзы предпринимали серьёзные усилия по координации текстильных рабочих коллективов, как представляется, были достигнуты положительные результаты в смысле экономической эффективности и социальной солидарности.

Помимо всего прочего, опыт текстильных коллективов свидетельствует о тех трудностях, с которыми столкнулись рабочие НКТ, когда им внезапно пришлось взять на себя управление предприятиями, и которые вытекали из незавершённости структуры самой НКТ. До начала Гражданской войны не существовало национальной федерации текстильных рабочих, а во многих частях страны не было даже достаточно сильных местных текстильных профсоюзов. Если бы подобные структуры уже имелись в наличии, то текстильные союзы НКТ, местные, региональные и национальный, могли бы воспользоваться возможностью и организовать всю текстильную отрасль республиканской Испании на началах прямого контроля, осуществляемого на каждом предприятии выборными представителями рабочих и дополненного авторитетными координирующими органами, также состоящими из представителей, прямо или косвенно делегированных рабочими отдельных предприятий. Подобная система больше соответствовала бы анархическому идеалу местной автономии, соединённой с солидарностью автономных рабочих коллективов, чем та, которая сложилась в действительности.

Отсутствие в текстильном секторе НКТ соответствующей структуры, кроме того, ослабляло позиции рабочих-анархистов и их организаций перед лицом тех элементов лоялистской Испании, которые отвергали саму идею рабочего контроля. Поскольку в их распоряжении не было ресурсов, позволяющих преодолеть финансовые трудности, с которыми столкнулись многие текстильные коллективы, последние часто бывали вынуждены обращаться к правительству – в частности правительству Каталонии – за денежной помощью. Хотя ситуация значительно различалась от случая к случаю, за подобную помощь от каталонского правительства, особенно после того, как в нём стали преобладать сталинисты, приходилось расплачиваться подчинением коллективов государству и уродованием эксперимента по рабочему контролю.

Догматизм чистых анархистов и их сопротивление созданию отраслевых союзов в период до Гражданской войны, таким образом, сослужили плохую службу анархическому движению после 19 июля, когда оно получило возможность провести в жизнь свои идеи.

Версия #1

Зверобой создал 10 мая 2025 15:42:16

Зверобой обновил 10 мая 2025 15:46:27